

егемен

Казвәтәһән

Каждый день достоин летописца

Известный публицист и литератор, патриот Павлодара Юрий ПОМИНОВ готовит к выпуску пятый том обстоятельной и всеобъемлющей "Хроники смутного времени", уже в периодике снискавшей ему славу "казахстанского Нестора".

Действующий журналист, член Союза писателей РК, Юрий Дмитриевич за десятилетия плодотворной работы создал солидную экспозицию из изданий под собственным авторством на книжной полке, в центре которой – фолианты, составленные из каждодневных дневниковых заметок. Уж ему-то есть что рассказать о времени и о себе. Интервью же как-то само собой сложилось согласно хронологии жизни.

С героями по жизни

– Юрий Дмитриевич, первое мое знакомство с вами состоялось, можно сказать, в заочном режиме – по рассказам и очеркам, которые регулярно появлялись в журнале "Простор". В частности, "зацепил" рассказ "Верное дело", прототипом которого, к моему удивлению, стал хорошо мне известный Василий Дмитриевский – первый и самый нестандартный мой начальник в журналистике. Мы вместе работали в отделе сельской молодежи "Ленинской смены". Он – заведующим отделом (вечно исчезающим и попадавшим в различные "истории"), я – тащившим "воз" уборочной и прочих сельхозкампаний корреспондентом. Чудачества его окружающие воспринимали по-разному, но не признать оригинальность разудалой натуры было нельзя.

Так вот, прочитав рассказ, я оценил, как верно схвачен и мастерски выписан незаурядный характер однокашника (от Дмитриевского уяснил, что вы вместе учились в КазГУ). А недавно в книге "Что пройдет, то будет мило" прочел главку "Васька" – в сущности, продолжение жизнеописания чудака-человека. Друг и одновременно – персонаж. Любопытная коллизия. Такое обстоятельство упрощает "муки творчества" или, напротив, усложняет их? Да, кстати, есть свежая информация о неисправимом искателе приключений?

– Васька, теперь, впрочем, Василий Михайлович Дмитриевский, был и остается одним из близких мне людей – с тех самых университетских времен. Он по своей натуре поэт, романтик. Хотя и газетчиком был далеко не рядовым – совсем еще молодым ленсменом стал немногим из казахстанцев лауреатом премии Союза журналистов СССР – ими раз в год становились единицы по стране. Так что он вполне мог сделать блестящую

журналистскую карьеру. А он все начал заново: зажил с семейством – женой, двумя сыновьями, к которым затем добавился и третий, – наедине с природой, в Орловской области. Когда я приехал к нему десять лет спустя, кстати, первым из его друзей-казахстанцев, был просто потрясен – и девственностью тех мест, и трудностями, которые пережило и продолжало переживать его семейство. А еще его неиссякаемым оптимизмом. Можно сказать, что Васька – это Лев Толстой наших дней, который на склоне лет пришел к убеждению: человек в поте лица своего должен зарабатывать свой хлеб – своим трудом, более ничем. Правда, Лев Николаевич был все же граф, небедный человек, а Ваське много лет приходится жить своим и только своим трудом, выращивая картошку, овощи, яблоки. Мое главное впечатление от уже довольно давней встречи с ним и его женой Инкарой – я видел перед собой абсолютно счастливых людей. Так что Васька – и авантюрист еще тот – остается для меня во многом еще неразгаданной загадкой. Собирался в нынешнем году весной на его 60-летие, но не получилось. Позвонил ему на сотовый, ответила жена: юбиляр на поле, в делах, весна ведь – день год кормит.

Ваську я выписал в своих «трудах» отчасти иронически, но, конечно же, любя. Пожалуй, он мог бы и обидеться, но не обиделся, что тоже лучше всего характеризует его как человека. А редактор "Простора" Геннадий Иванович Толмачев "Верное дело" погромсал, попеняв мне: мы, мол, его (то бишь Ваську) чуть не всей Алма-Атой спасали (попал по разгильдяйству в неприятную историю), а ты над ним изгаляешься. Вообще же писать свободно о друзьях и близких и просто, и сложно – важно не перейти некую незримую грань. Для ценимого мной Сергея Довлатова тут, кажется, вообще никакой проблемы не было – почитайте его циклы "Наши", "Компромисс", да и другие вещи... Для меня это подчас проблема почти неразрешаемая, и чем дальше, тем больше.

– А если поподробнее...

– В одной из моих книг есть цикл "У нас на курсе", где в качестве персонажей представлены мои однокурсники и в большинстве своем отчасти иронически. Как, впрочем, и сам я... Но ты – это ты, а другие – это другие. Подарил книгу одному из моих главных друзей (вы его, кстати, тоже знаете) и только годы спустя понял, что ему его портрет не шибко поглянулся. Мне же он сказал после прочтения лишь вот что: его жена, несколько дней подряд штудировавшая главку, заявила: "Толя! А ведь Поминов считает, что ты меня не любишь". И как он ни убеждал ее, что это не они, а литературные

персонажи, она ему не поверила. Так что прав был поэт, заметивший: "Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется". Мне и потом пришлось не раз убеждаться в этом на собственном опыте. Как в смысле "плюс", так и с обратным знаком. И теперь я стараюсь быть сдержаннее, подсмеиваясь над близкими. Тексты от этого, скорее, страдают, но спокойствие дорогих мне людей дороже. Хотя иногда "ретивое перо", увы, берет верх, и наступаю на те же грабли. Так и пишу, то притормаживая себя, то пришпоривая.

– Вы не занимаетесь сочинительством – пишете о конкретных людях: родных и близких, друзьях-товарищах, то есть о тех, кого хорошо знаете.

Документалистика высокого накала, к тому же с личностным подтекстом, конечно, способна сильно впечатлять и увлекать читателя. А за художественную прозу не пытались браться?

– Да, когда-то я написал в предисловии к своей книге "Живу": "Всю жизнь я пишу одну книгу – книгу о своей жизни..." Где, конечно, не только и не столько я сам, сколько жизнь окружающих меня людей, времена, выпавшие на их и мою долю. Я вообще глубоко убежден, что добротная документальная проза ничем не ниже добротной беллетристики. Может, даже наоборот. И тут я опять беру в союзники Льва Николаевича Толстого, написавшего однажды: "Мне кажется, со временем вообще перестанут выдумывать художественные произведения... Писатели, если они будут, будут не сочинять, а только рассказывать то значительное и интересное, что им случилось наблюдать в жизни". Именно это я и пытаюсь делать. Кто-то говорит мне: это не литература... Ну и что? Я делаю то, что дорого и важно для меня, то, что у меня получается. И меня вполне устраивает это мое положение – где-то на стыке литературы и качественной журналистики и документалистики. Рассказы я тоже пытаюсь писать – скажем, цикл о любви в книжке "Что пройдет, то будет мило", которую вы упоминали. Один уважаемый мною литератор сказал, что это не рассказы, а лишь наброски к ним. Пусть так, но мне важно другое: есть там искренние чувства, живые образы, характеры, правда жизни? Трогают эти вещи людей за душу или нет – вот что главное.

О "блестках" и "звездизмах"

– Истинный мастер слова, когда нацеленно, когда исподволь, ищет и, случается, находит свой особый жанр, манеру подачи материала. Василий Белов, например, явил миру искрометные "бухтины". Позвольте поздравить, и вы в малом жанре отличились: "блестки" – это чисто поминовское

изобретение. Давайте вспомним, как и когда родилась идея, поясним, в чем она заключается, и конечно же, процитируем самые коронные находки.

– Вряд ли "блестки" можно считать моим изобретением, разве что отчасти. У этого жанра микроновелл было много предшественников, может быть, я лишь расширил его рамки. "Блестки" я пишу уже лет сорок. Откуда все взялось? Да из той же журналистики, или, вернее сказать, из самой жизни, в которой всегда столько всего "самого-самого". Так и тут: попадались сюжеты, фразы, коллизии, не вписывавшиеся ни в какие журналистские материалы. Я их не копил специально, не систематизировал... Взвзвись однажды ревизировать оставшиеся "про запас" старые блокноты, листки, визитки с какими-то пометками, вдруг подумал: а ведь это тоже жизнь, и кому-то может быть интересной эта фраза, эта житейская ситуация, этот парадокс... Так из "отходов" рождались "блестки", которые печатались и в газетах, и в сборниках, и в "Просторе", и в "Ниве", и даже вышли двумя отдельными изданиями. Когда я дарю "Блестки" малознакомым людям, предупреждаю, что это хорошая книжка и, читая в их глазах недоуменный вопрос: мол, мы еще не читали, почему должны верить тебе, – поясняю: "А ее можно носить в кармане и читать с любой страницы".

– А "звездизмы" – тоже непременный атрибут ряда сборников избранных вещей – отдельный, самостоятельный жанр или "поджанр" вышеописанных "блесток"?

– "Звездизмы" – более позднее изобретение: это разного рода сюжеты и случаи из жизни журналистов "Звезды Прииртышья", в которой, страшно подумать, я работаю уже без малого сорок лет.

– По всему видно, обильную пищу для размышлений и наполнения содержанием основных творческих "рубрик" дает все-таки ваша первейшая профессия – журналистика. Какие нынче отношения с нею? О чем пишете, где публикуетесь? Что радует в этой сфере, что тревожит?

– Да, журналистика – моя главная профессия... Она – извините за высокопарность – и источник вдохновения, и повод для раздумий, и, что скрывать, – для разочарований тоже. Но не будем о грустном... Главное, что она мне дала, – блестящую россыпь во всех смыслах выдающихся людей, которые из героев моих публикаций нередко становились моими друзьями на всю жизнь. Многих из них вы хорошо знаете: редактор "Звезды Прииртышья", писатель, один из моих наставников Сергей Павлович

Шевченко; государственный деятель, дважды первый секретарь Павлодарского обкома партии (а теперь еще и публицист, поэт) Борис Васильевич Исаев, его человеческие качества высоко оценил наш Президент Нурсултан Абишевич Назарбаев в своей книге "Без правых и левых"; выдающийся железнодорожник республики Аби Саркыншаков, чей стаж работы в отрасли приближается к 60 годам; филолог, музыковед и немножко философ, автор вашей газеты Наум Григорьевич Шафер; редактор "Нивы", поэт и прозаик Владимир Романович Гундарев; земледelec номер один нашего региона (сеет 65 тысяч гектаров зерновых) Николай Александрович Миллер; выдающийся врач-ортопед, организатор клиники нового типа Николай Николаевич Оникко... И еще не один десяток людей, встречи с которыми – как подарки судьбы. Без них я бы не стал тем, кем стал, – ни в журналистике, ни в жизни вообще.

То, что я работаю всю жизнь в одной газете, и хорошо, и плохо. Почему, в общем, понятно: с одной стороны, всех знаешь и тебя знают – легче ориентироваться; но с другой – обрастаешь, как старая баржа, ракушками, нужными и ненужными знакомствами, обязательствами... А если ты еще 23 года в редакторах, смолоду – с 35 лет. Да и живешь в такие времена... Так что хватало всякого...

В конце 70-х – начале 80-х годов активно сотрудничал с "Казахстанской правдой". Прошел собеседование у заместителя редактора Юрия Андреевича Таракова на предмет будущего собкорства: в Аркалыке, Семипалатинске, Кызыл-Орде, Шевченко (нынешний Актау). Трижды давал согласие, но по независящим от меня и редакции причинам не получилось...

О том, что всю жизнь в "Звезде", тем не менее не жалею. Я не всегда делал эту газету, какой хотел ее видеть, – опять же по не зависящим от меня причинам. Но всегда стремился делать газету с человеческим лицом, которую можно читать всей семьей. И горжусь тем, что вывел ее в одну из самых финансово успешных областных государственных газет страны – "Звезда Прииртышья" была, по сути, самокупаема.

Сегодня я веду в "Звезде" несколько рубрик: "Записки редактора", "Уроки на всю жизнь" (а до этого была рубрика "И это было счастье"). Пишу и на злобу дня, но главным для меня, как и всегда было, остается человек – с его заботами, делами, тревогами. С грустью осознаю, что я в каком-то смысле – "уходящая натура".

Радуют меня в сегодняшней журналистике ее динамизм, всеядность, открытость, некоторое здоровое нахальство. Огорчают поверхностность, непрофессионализм, желтизна и неоправданная, на мой взгляд, смена

приоритетов. Исчезает с газетных страниц человек труда, мастер своего дела, люди, без которых никогда нельзя обойтись. Понятно, изменились времена, но я пришел в журналистику и работаю в ней с ощущением, что это не сфера обслуживания, а все же особая миссия. Сегодня для многих журналистов это, к сожалению, чаще всего не так, что, конечно, огорчает.

– Как относитесь к новым информационным технологиям? Компьютер заменил вам шариковую ручку или пишущую машинку? Пушкин алгеброй гармонию поверял, а вы готовы доверить цифре слово? "Электронный" журналист сможет сохранить и развить лучшие традиции казахстанской прессы, ту же публицистичность? Или в век информации она ни к чему?

– В этом смысле я консервативен: пишу по-прежнему шариковой ручкой. Мне кажется, этот "старорежимный" процесс – "и мысли тянутся к перу, перо – к бумаге" – более естественен и, если хотите, душевен и тепел, нежели холодная "электронная партитура". Может, впрочем, это ретроградство, но слово, написанное пером (в данном случае "шариком"), я чувствую живым, а компьютерное – нет.

Моя жена, поэт и журналист Ольга Григорьева, написала когда-то строки: "Ах, дела у нас с тобой совсем неважные – Мы последние писатели бумажные..." Это – точно про меня.

Меня нет в социальных сетях, я не откликаюсь на многочисленные предложения подружиться по электронной почте, состою в переписке с узким кругом людей. То есть стараюсь не давать компьютеру меня поработить. Вместе с тем благодаря моему компьютерно продвинутому сыну Данилу "Звезда Прииртышья" много лет назад первой из областных государственных газет заимела электронную версию (каюсь, я лишь недавно стал читать нынешнюю, уже обновленную). А благодаря младшему сыну Павлу почти все мои книги выставлены в Интернете. Но я предпочитал и всегда останусь верным бумажным версиям – газеты, журналы, книги. Электронная пресса – одновременно и благо, и напасть. Благо – в свободе выражения, столкновении мнений, возможности получать информацию из разных источников. Опасность – в том, что изъясняться в Сети может и человек абсолютно безграмотный, недалекий, безответственный. И он такого может наворотить... Беда еще и в том, что перестала существовать иерархия журналистских авторитетов – таких, на кого мы с вами равнялись в пору нашей журналистской молодости. Принимаются кодексы журналистской чести, но кто к ним прислушивается? А он нужен – необходим своего рода цеховой свод неписаных законов для профессиональных журналистов,

неважно каких – "электронных" или бумажных.

Дружили два товарища

– Ваш душевный друг, рано ушедший из жизни поэт Владимир Гундарев решительно боролся с тенденцией перегрузки русского языка и засорения печатных изданий иностранной лексикой. Вы наверняка вели с ним на эту тему беседы. Расскажите, пожалуйста, и о дружбе вашей крепкой, и о спорах в офисе журнала "Нива", который основал и до конца своих дней редактировал автор знаменитой "Деревеньки".

– Владимир Романович Гундарев – один из самых дорогих в моей жизни людей, настоящий подарок судьбы. Особенно если иметь в виду, что сошлись мы и подружились уже в зрелые годы. Песню на его стихи «Деревенька-колхозница» я слышал с детства, на застольях родителей с друзьями, долгое время считал ее народной. Если бы он написал только ее, то уже бы не напрасно прожил жизнь. А он, уже состоявшийся поэт, хорошо известный в Казахстане и России, на целых десять лет оставил поэзию ради основанного им журнала "Нива". Он стал, может быть, главным объединителем литературных сил Казахстана, открывателем стольких талантов. Я знаю, как трудно порой ему приходилось, потому что со второго номера "Нивы" и до кончины Владимира Романовича входил в редколлегию (редсовет) "Нивы". И все свои новые журнальные тексты я отдавал в "Ниву".

Он относился ко мне по-братски душевно, но также и требовательно. Было, например, такое: однажды звонит и выговаривает: "Что это у тебя (мы были на ты) буква е вместо ё. Мы ё в "Ниве" давно реабилитировали".

Действительно, очень не любил ненужной "иностранщины" в текстах, да и "новояза" тоже – у него есть отличные стихи на этот счет. Подчас Владимир Романович подшучивал надо мной: вот, мол, есть у нас авторы, приносящие в "Ниву" килограммовые рукописи, а подписку на журнал в своей области организовать не могут!

Иногда я критиковал его за некоторую, как мне казалось, неразборчивость в отборе авторов для "Нивы" – я считал, что временами он поощряет графоманов. Он чаще отшучивался, невозмутимо попыхивая трубкой: ничего, мол, надо давать людям шанс. Но я же был свидетелем, как он однажды буквально взорвался, когда ему "по дружбе" стали навязывать заведомо слабые стихи. Так что он был настоящим редактором: вылавливал и пестовал таланты, предоставлял страницы журнала людям разных поколений, литературных направлений. И не только, кстати, казахстанцам. Помню, с каким душевным трепетом, с какими сомнениями отдавал ему на читку первый том "Хроники смутного времени" – 750 страниц компьютерного набора, плод многолетних трудов. Честно сказать, на

публикацию в "Ниве" даже не рассчитывал – мне важна была редакторская оценка написанного. Он же эти записки не только одобрил, но и написал к ним предисловие. И этот том, и два последующих были опубликованы в "Ниве", получили хорошие читательские отзывы. Мы договорились, что к первому сентября 2012 года я принесу ему набор четвертого тома... А несколькими неделями раньше Владимира Романовича не стало, и именно вы сообщили мне эту печальную весть. И у меня с тех пор такое чувство, будто он завещал нас с вами друг другу.

Новый редактор «Нивы», когда я принес ему четвертый том "Записок", напомнив, что они были обещаны Владимиру Романовичу, печатать их не стал, а затем и вовсе молча вывел меня из редсовета "Нивы", в котором я состоял со второго номера журнала. С тех пор я в "Ниве" не печатаюсь... Хотя нет, была одна публикация – в номере, приуроченном к годовщине смерти Владимира Романовича. У этого большого нашего интервью своя история.

Как-то он не то шутя, не то серьезно сказал: "А обо мне написать – слабо?" Я это всерьез сразу не воспринял, а потом загорелся, стал делать наброски, надеясь и на основательную беседу с ним. И все не получалось: в нечастые наезды в Павлодар он был занят сверх меры, я, бывая в Астане, почти никогда не заставал его в "Ниве" одного. И тогда я пустился на хитрость: послал ему несколько десятков вопросов и сказал, что ответы должны быть дней через десять, к моему очередному приезду. И поставил условие: каждый ответ должен быть дополнен строками из стихов, так или иначе к нему относящимися. Еще и названивал ему через день – как движется работа? Сработало! Когда я на этот раз пришел к нему, он вручил мне солидную стопку листов, исписанных его мелким, четким почерком. Перечитывал их дома, пахнущие ароматным дымом его трубки, с тихим восторгом – получился во всех смыслах замечательный гибрид интервью и очерка, проиллюстрированный стихами. Он вошел в мою книгу "Между прошлым и будущим", и я успел подарить ее Володе (так я называл его наедине) при жизни.

– Общение творческих личностей взаимопользительно. Классический пример – щедрость Пушкина, одаривавшего "братьев по цеху" шедевральными идеями и сюжетами. И у вас с Гундаревым был схожий случай, когда подарили поэту образ дикого проса. Он из этого сорняка взрастил мощнейший по динамизму и накалу лирический гимн неустрашимой и неистребимой любви. На уровне хрестоматийных баллад Роберта Бернса. Вспомните, пожалуйста, как это было.

– Тут так вышло, что эта идея легла на хорошо подготовленную почву. Владимир Романович через много лет встретился со своей первой, еще школьной, любовью, и оказалось – чувства не угасли, а наоборот, пробудились с новой силой. И когда он мне об этом рассказывал, я, как и он, выросший в деревне, сказал, что так бывает с диким просом, которое может годами лежать в земле и не всходит, а при наступлении каких-то условий будто взрывается и бурно идет в рост. Он сказал: "Как интересно, в наших краях такого не бывало. Ну-ка, еще раз расскажи – как это происходит?" Я стал с приукрашиванием живописать процесс, а потом говорю: "А ты напиши поэму о любви и назови ее "Дикое просо". Позже, когда он создал этот действительно гимн вечной и неистребимой любви и напечатал, я ему шутливо выговаривал: что же ты, мол, нигде не обмолвился, как я сподвиг тебя на эту во всех смыслах замечательную поэму. Он смущенно оправдывался: "Да, знаешь, увлекся, как-то не подумал..."

В один из своих приездов в Павлодар он набросал и подарил мне шутливые как будто строки-посвящения:

Помни, Поминов, меня
И в жару, и в злую стужу.
И когда я занедужу,
Не вина и не кляня,
Помни, Поминов, меня.
Дальше еще пара иронических строф и концовка:
Помни, Поминов, меня
И когда уйду я – тоже.
Все в твоей мы власти, Боже.
Память о былом храня,
Помни, Поминов, меня!

Разве я мог тогда представить, что мне придется читать эти стихи (написанные, казалось, в шутку, а вышло, как всегда бывает у настоящих поэтов, всерьез), когда мы проводили его в последний путь.

Это неправда, что незаменимых людей не бывает. Никто и никогда не заменит мне Владимира Романовича Гундарева...

– Поэзия, если можно так выразиться, вас сопровождает круглосуточно, поскольку ваша супруга Ольга Григорьева весьма преуспевает именно в этом жанре. Кстати, каково двум творческим личностям уживаться под одной крышей?

– Это уж точно: поэзия сопровождает меня круглосуточно, без выходных и праздников. Поэтическая мысль Ольги Григорьевой, кажется, не спит никогда. И в том, что она поэт состоявшийся, сомневаться не приходится. И как истинно творческий человек она растет в разные стороны: кроме лирики, пишет стихи для детей, хорошую документальную прозу, берется за необычные проекты. Скажем, ее оригинальный поэтический самоучитель для детей, изучающих казахский язык, выдержал несколько изданий, а ее поэтическая "Азбука Астаны" для детей отмечена национальной премией Министерства культуры. Она – создатель единственного в своем роде музея Анастасии Цветаевой в Павлодаре, о котором не раз писала "Казахстанская правда", лауреат международной поэтической премии имени Марины Цветаевой и российской премии имени Евгения Курдакова... Есть у нее и другие творческие заслуги на литературной стезе.

Что касается быта, то жить под одной крышей с поэтом и вправду бывает непросто – они ведь, находясь с вами рядом, нередко пребывают в совсем других, параллельных мирах. Но зато мы – люди, близкие по духу, единомышленники, нам никогда не бывает скучно вдвоем.

Считаю встречу с Ольгой одной из главных (если не главной) удач моей жизни. Она ведь еще и мать троих наших сыновей.

– Дети, ровесники информатизации, надо полагать, не последовали по тернистой литературной стезе? Но ваше "двойное воздействие" на юные умы как-нибудь сказалось? Приучились читать, полюбили это тихое занятие?

- Хорошо зная, что собой представляет журналистика как профессия, я никогда не хотел, чтобы дети последовали моему примеру. Но ведь яблоко от яблони недалеко падает, и так или иначе они, и старший Данька, средний Димка, и младший Пашка, ею занимались – с разной степенью успеха. Все трое достаточно образованы литературно, да и творчески. Продвигают творения отца с матерью в Интернете, пробуют творить сами. Наши книги читают (хоть мои "Хроники...": скорее, выборочно – про себя любимых), не упускают случая поиронизировать над отцовскими "блестками", метафорами из других книг. Мы дружим с ними, при любой возможности встречаемся, они наезжают к нам уже с нашими внуками.

Очень сожалею теперь, что мало общался с сыновьями, когда они были маленькими. Все было недосуг. Думал: они же видят – как я живу, работаю, а это лучшее воспитание... Ошибался, конечно... Но тут уже ничего не поправишь, разве что недоданное детям достанется внукам...

"Хроническая" болезнь

– А теперь пристало начать с начала – вернуться к теме, обозначенной в

преамбуле: к вашей "повести временных лет" – "Хронике смутного времени". Для читателей эта часть, думаю, особо актуальна, им ведь интересно сопоставить собственные ощущения тех лет со взглядом на происходившее скрупулезного "коллекционера" событий. Как возник замысел, что вам пишут по поводу цикла, что полезного находят в нем люди?

– Да, "Хроника..." – может быть, главная книга моей жизни, которую я, наверное, никогда не допишу. Рождалась она во многом от отчаяния, в перестроечные времена, когда я, молодой редактор, часто оказывался между молотом и наковальней: с одной стороны, я – член бюро обкома партии (как я позже стал шутить – "последнего бюро последнего обкома") и должен, так или иначе, проводить партийную линию, а с другой – "горбачевец" и сторонник перемен, часто идущих с этой линией вразрез. И лицо опять же сохранить надо было. А как это сделать, если выбирать приходилось временами не из "хорошо и плохо", а из "плохо и очень плохо"? Жизнь стремительно менялась, обрушивая на меня настоящий водопад фактов, событий, новых явлений. Разобраться во всем сходу было невозможно, а давило это на психику со страшной силой... Возникали вопросы, на которые не находил ответа... И в такие мгновения – может быть, повторю, и от отчаяния – рождалось желание взяться за ручку и попытаться доверить чистому листу бумаги то, что не всегда доверишь даже близкому человеку... Попробовать понять, что происходит вокруг тебя, да и с тобой самим. Записи эти, ставшие со временем потребностью, иногда помогали снять напряжение, обрести душевное равновесие – они становились чем-то вроде отдушины. Я вел их больше 15 лет, начиная с 1988 года, и, взявшись однажды их перечитывать, подумал о том, что многое из пережитого и передуманного мной может быть небезынтересно другим людям. Нелегко было определиться с формой изложения... Избрав в итоге жанр хроники, я решил не беллетризовать ее, не придумывать сюжетные ходы. Моя хроника – это мозаика жизни. Это не мемуары в их общепринятом виде, а скорее «летопись впечатлений».

Моя хроника – не "правая" и не "левая". Она такова, какой была жизнь, и ее главный герой – не я, а время, выпавшее на нашу долю. И я не судья, и не адвокат тем людям, о которых пишу, и тем событиям, о которых идет речь. Я лишь свидетель, хотя и не бесстрастный.

Мне очень дорого, что мои переживания тех лет легли на душу многим людям. И если с моими земляками-павлодарцами все более-менее ясно – мы жили с ними одной жизнью, то удивлением и огромной радостью, стимулом для продолжения записок стали отклики совершенно незнакомых мне людей: в "Ниву" написали литератор из Алматы Светлана Николаевна Назарова, с

которой мы позднее познакомились и подружились; из Усть-Каменогорска – музыкальный педагог, литератор Нелли Ивановна Мельникова, отслеживавшая один из томов "Хроники..." целый год в «Ниве» и написавшая о ней подробные заметки... Писали бывшие казахстанцы из Германии, Москвы, Казани, Ростова, читавшие "Записки" в Интернете или в электронном варианте «Нивы». Написала учительница, бежавшая от гражданской войны в Таджикистане и нашедшая приют в городе Абае под Карагандой... Исследовательница творчества Магжана Жумабаева из Москвы, прочитавшая в "Хронике..." о моей поездке в Петропавловск на его юбилей...

Откликались самые разные люди... У одних совпадали с моими ощущения и тревоги тех лет, другим важна была сама хронология событий, которые стали забываться, третьи нашли там своих "потерявшихся" знакомых и друзей... Кому-то оказалась дорога "семейная линия", которая тоже присутствует в "Хронике...", а кому-то важен был, как, впрочем, и мне самому, даже "мусор эпохи" – всегда сопровождающие нашу жизнь бытовые и прочие мелочи, тем не менее характеризующие время. Часть читательских откликов я даже включил во второй и третий тома "Хроники...", посчитав, что они по-своему дополняют и продолжают мое повествование.

Я благодарен "Казахстанской правде" за доброжелательную, ободряющую рецензию писателя и журналиста Геннадия Николаевича Доронина, книги которого читаю с давних пор. Получить поддержку от такого мастера слова – дорогого стоит.

Соавторами "Хроники..." я считаю и ее героев, и многих людей, в разные годы помогавших деньгами на издание книг. Особую благодарность я бы хотел выразить моему давнему другу – председателю Союза журналистов Казахстана Сейтказы Матаеву, а также землякам-павлодарцам. Без них эти четыре тома не увидели бы свет.

– Я не знаю других примеров столь истового каждодневного фиксирования событий. Сам Нестор отдыхает. Как себя заставили быть пунктуальным до педантизма, как вроде бы досужее занятие превратилось или же превратили в добровольную каторгу?

– Да, я до сих пор продолжаю вести свои записки. Но это не пунктуальность до педантизма, а, скажем так, привычка, ставшая потребностью. Может, даже в чем-то болезнь: увидел что-то, услышал, прочитал, и включается в мозгу невидимый тумблер – это записать надо. Знаю уже из собственного опыта, что далеко не все, а лишь некоторая часть может потом быть использована в

книге, но все равно записываю...

В погоне за временем

– Извините за назойливость, но бывают дни без обращения к дневнику? Скажем, из-за болезни, командировки, прилива лени, наконец? Можете себе позволить в один присест обозреть целую неделю? И вообще, как происходит само действие писания летописи и где, в какой обстановке?

– Бывают, конечно, и "простой", но не из-за болезни – это не повод, или вернее, наоборот, повод лишний раз о чем-то поразмышлять... И не из-за командировки: раньше, когда много летал, даже любил записывать в самолетах... В поезде – тоже. И даже в международном автобусе – на таможне, к примеру. Случалось и на разного рода торжествах, за дастарханом, что-то черкнуть в блокнот, пусть и второпях. Наверное, это, повторю, уже разновидность болезни... Хотелось бы думать – неопасной...

– Любопытно, каким годом завершается пятый том "Хроники смутного времени"?

– Пятый том охватывает 2001–2003 годы.

– Стоп. Давайте обсудим этот момент. Из того, что том завершается 2003 годом, следует: это все еще смутное время? Если да, то когда "пелена" исчезнет, через сколько еще томов? Изменится ли в дальнейшем название серии?

– Полное название первых трех томов – "Хроника смутного времени. Записки редактора". Четвертый и пятый озаглавлены "Просто жизнь... Записки редактора". Потому что времена менялись и ощутимо к лучшему, а "просто жизнь" – со всеми ее перипетиями, радостями-горестями – оставалась...

– Юрий Дмитриевич, я понимаю, что вы не математик, но можете хотя бы навскидку сказать, сколько томов записок займет отрезок с 2004 по 2015 год? Я также понимаю, что вы не полиграфист, но прикиньте, когда примерно печатная машина, при наличии спонсоров, сможет догнать ваш неумный карандаш. И вероятно ли, что в обозримом будущем мы с вами относительно "выровняемся" и станем почти современниками?

– У меня была надежда написать еще один, шестой том, в котором сжать, сублимировать события, факты, комментарии и приблизиться к нашему нынешнему времени. Теперь понимаю – вряд ли удастся: стал перечитывать записки, отмечать – что взять, и, как у гоголевского Плюшкина, всего в этом "запущенном хозяйстве" жалко – и настоящего, и даже, казалось бы, мелкого... Такое бывает со старыми, отслужившими свой срок, но по-прежнему дорогими тебе вещами... Поэтому работу эту продолжу, завершу или нет – это как Бог даст. "Делай что должно, и пусть будет что будет..." А

временной зазор дает возможность для выверенности письма.

– Вы мне вот что еще скажите: вы когда-нибудь чувствовали себя в своей жизни счастливым?

– Я как-то недавно подумал, что у меня было очень мало шансов родиться. Бабушка, мать отца, рассказывала: в Гражданскую войну в их сибирскую деревню зашел с карательным отрядом атаман Анненков и казнил всех сторонников советской власти. А деда, сочувствующего ей, бабушка успела спрятать в заброшенном колодце.

В 1922 году родился мой отец, воевавший в Великую Отечественную с начала 1943 года и вернувшийся домой с главными солдатскими наградами – орденами Славы третьей степени, Красной Звезды, медалями "За отвагу" и "За боевые заслуги". Это к тому – как он, сапер-разведчик, воевал. А мужчин 1922–1925 годов рождения осталось после войны три процента – остальные погибли.

Отцу суждено было уцелеть, и родились мы, его дети. И я теперь уже чуть старше отца, умершего в неполные 62 года. Свою жизнь, в которой случилось всякое, я прожил, как сумел. Но оставил после себя написанную историю Поминовых за минувший век, а также честную и правдивую историю своего поколения. Так что я не зря проживаю свою жизнь.

Был ли я в ней счастлив когда-нибудь? Был, причем неоднократно и по разным поводам. Впрочем, почему был? Совсем недавно, глядя, как мой четырехлетний внук Колька, рассекая на трехколесном велосипеде по лужам, захлебывается от восторга, я испытал именно это чувство.

– ...Понимаю, что в прочтении совершенно вас догнать невозможно, подобно тому, как в философско-логической задаче быстроногий Ахиллес не в состоянии настичь черепаху. Но стремиться к этому нужно. Дабы не отстать безнадежно.